

Н. Ф. БУДАНОВА

ИСТОРИЯ «ОБРАЩЕНИЯ И СМЕРТИ» РИШАРА, РАССКАЗАННАЯ ИВАНОМ КАРАМАЗОВЫМ

В главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» Иван, коллекционировавший реальные «фактики» и «анекдотики», свидетельствующие о неблагообразии «мира Божьего» и человеческих отношений как «у нас» (в России), так и на Западе, рассказывает историю некоего женевакского убийцы Ришара, казненного на гильотине, который, уже будучи в тюрьме, обратился к христианской вере и раскаялся в совершенном преступлении. И если негативные российские «фактики» и «штучки» (истязание детей и животных) привлекали внимание ученых, то «анекдотик» о Ришаре никогда не комментировался, хотя в нем заключен комплекс сложных проблем религиозно-нравственного и философского характера.

Источник сведений о Ришаре был неизвестен комментаторам Полного собрания сочинений Достоевского. А между тем он указан самим Иваном, упомянувшим в своем рассказе о протестантской «прелестной брошюрке», переведенной с французского на русский язык «какими-то русскими лютеранствующими благотворителями высшего общества» (14, 219).

Эту анонимную «брошюрку», к которой восходит рассказ Ивана о Ришаре, удалось разыскать.¹

Иван довольно близко к тексту брошюры пересказывает основные факты биографии Ришара, лишь ошибочно указав его возраст (к моменту казни Ришару было не 23, а 43 года) и время казни («не лет пять тому», а в 1850 г.).

Приведем биографические сведения о Ришаре по найденному нами источнику.

Людвиг Фридрих Ришар (1807—1850) — швейцарский преступник, казненный на гильотине в Женеве 11 июня 1850 г. за убийство и ограбление старика-фермера, у которого работал. Ребенком (незаконнорожденным) Ришар был «подарен» родителями горным пастухам, которые с ранних лет заставляли его пасти стадо и держали впроголодь. Когда Ришар вырос, он стал подрабатывать поденною работой, а заработанное пропивал, ведя беспутный образ жизни. Осужденный за убий-

---

¹ См.: Обращение и смерть Л. Ф. Ришара, казненного в Женеве 11-го июня 1850 года. Пер. с франц. СПб. А. Якобсон, 1877. Брошюра эта, привлекая внимание Достоевского в период его работы над романом «Братья Карамазовы», имела в библиотеке писателя. См.: Десяткина Л. П., Фридендер Г. М. Библиотека Достоевского. (Новые материалы) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 262 (№ 98)

ство старика-фермера, был заключен в тюрьму. Предварительное следствие по делу Ришара продолжалось 18 месяцев. Сначала Ришар, державшийся на суде крайне дерзко и нагло, полностью отрицал свою вину, несмотря на показания многочисленных свидетелей, но затем после долгих запираТЕЛЬств и уже после вынесения ему смертного приговора, под влиянием бесед с пасторами и чтения Библии пришел к вере, раскаялся и чистосердечно признался в совершенном преступлении. Просьба о помиловании Ришара, поданная его адвокатом, была отклонена, и приговор приведен в исполнение.

Трагическая история Ришара в интерпретации Ивана вызывает у читателя ряд непростых вопросов, требующих разъяснения.

Почему история «обращения и смерти» Ришара причислена Иваном к разряду «анекдотиков» и какова в его формулировке основная мысль этого «анекдотика»? В чем видит Иван «национальный характер» «штуки о Ришаре»? Почему подобные истории невозможны, по мнению Ивана, в России («пока»), хотя «у нас» есть и свои «родные штучки» «почти что не хуже»? Каков, с точки зрения Ивана, русский национальный подход к проблеме «преступления и наказания»? Наконец, насколько близки в интерпретации и оценке истории Ришара Иван и автор «Братьев Карамазовых», которого несомненно должны были заинтересовать и личность «приговоренного к смертной казни» раскаявшегося грешника, и его «последний день» перед казнью.

Ответить на эти и некоторые другие возникающие вопросы мы и попытаемся в настоящей статье. Обратимся прежде всего к тем местам рассказа Ивана, в которых наиболее отчетливо выявляется оценочный характер описываемых им событий и фактов. К их числу относятся: история обращения, раскаяния и признания Ришара в преступлении; реакция на это пасторов, «всей благотворительной и благочестивой Женевы» и официальных властей; поведение Ришара после обращения и накануне казни; казнь Ришара.

«И вот в тюрьме его (Ришара. — Н. Б.) немедленно окружают пасторы и члены разных Христовых братств, благотворительные дамы и проч., — рассказывает Иван. — Научили они его в тюрьме читать и писать, стали толковать ему Евангелие, усовещевали, убеждали, напирали, пилили, давили, и вот он сам торжественно сознается наконец в своем преступлении. Он обратился, он написал сам суду, что он изверг и что наконец-таки он удостоился того, что и его озарил Господь и послал ему благодать. Все взволновалось в Женеве, вся благотворительная и благочестивая Женева. Все, что было высшего и благовоспитанного, ринулось к нему в тюрьму; Ришара целуют, обнимают: „Ты брат наш, на тебя сошла благодать!“ (здесь и далее курсив мой. — Н. Б.). А сам Ришар только плачет в умилении: „Да, на меня сошла благодать! Прежде я все детство и юность мою рад был корму свиней, а теперь сошла и на меня благодать, умираю во Господе!“ — „Да, да, Ришар, умри во Господе, ты пролил кровь и должен умереть во Господе. Пусть ты невиновен, что не знал совсем Господа, когда завидовал корму свиней и когда тебя били за то, что ты крал у них корм (что ты делал очень нехорошо, ибо красть не позволено), — но ты пролил кровь и должен умереть“. И вот наступает последний день. Расслаблен-

ный Ришар плачет и только и делает, что повторяет ежеминутно: „Это лучший из дней моих, я иду к Господу!“ — „Да, — кричат пасторы, судьи и благотворительные дамы, — это счастливейший день твой, ибо ты идешь к Господу!“ Все это движется к эшафоту вслед за позорною колесницей, в которой везут Ришара, в экипажах, пешком. Вот достигли эшафота: „Умри, брат наш, — кричат Ришару, — умри во Господе, ибо и на тебя сошла благодать!“ И вот покрытого поцелуями братьев брата Ришара втащили на эшафот, положили на гильотину и *оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать*. Нет, это характерно» (14, 218—219).

В. Даль определяет анекдот как «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае». ² История «обращения и смерти Ришара», рассказанная Иваном, вполне соответствует этому определению; соответствует она, впрочем, и определениям, данным анекдоту в четырехтомном «Словаре русского языка»: «1. Короткий устный рассказ с неожиданной остроумной концовкой. 2. Разг. Происшествие, событие необычайного характера». ³ Основная мысль рассказа явно носит «анекдотический» (т. е. маловероятный, необычный, «фантастический», как сказал бы Достоевский) характер. В формулировках Ивана она звучит следующим образом: «Умри, брат наш (...) умри во Господе, ибо и на тебя сошла благодать», «...и оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать»; «...нелепо рубить голову брату потому только, что он стал нам брат и что на него сошла благодать...» (14, 219). Иными словами, анекдотическая, пародийно заостренная мысль рассказа Ивана состоит в следующем: Ришара казнили за то только, что он обрел веру («стал нам братом») и на него «сошла благодать». Но ведь известно, что Ришара казнили за убийство. В чем же смысл ядовитых реплик Ивана?

1. Притча о блудном сыне

Основная мысль «анекдотика» о Ришаре гораздо глубже и трагичнее, чем это представляется на первый взгляд, и понять это помогает притча о блудном сыне, неоднократно упоминаемая как в рассказе Ивана, так и в брошюре о Ришаре. В частности, в обоих источниках проведена аналогия между судьбами двух «блудных сыновей», вернувшихся к отцу (Богу), и подчеркнута характерная деталь евангельской притчи: голодный Ришар завидовал корму свиней (выделено нами в приведенном выше тексте). ⁴

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 1. С. 17.

³ Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 37—38.

⁴ Ср. в брошюре признание Ришара: «Когда впоследствии читал я в Библии прекрасную историю о блудном сыне, которая мне показалась моею собственною, я находил в ней кроме прочего, сходного с моим положением, и то также, что я желал в ранней молодости моей насытиться тем, что ели свиньи» (Обращение и смерть Л. Ф. Ришара... С. 4). «Да, это для Ришара; это история Ришара», — так отозвался о притче приговоренный (см.: Там же. С. 32).

Напомним содержание притчи о блудном сыне (Лк. 15: 11—32). Отец разделил свое имение между двумя сыновьями по просьбе младшего из них, который вскоре в дальней стороне «расточил имение свое, живя распутно» (ст. 13), а когда в той стране наступил голод, он вынужден был наняться пасти свиней. «И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (ст. 16). После многих страданий и лишений раскаявшийся блудный сын решил вернуться домой к отцу. «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (ст. 20—24). И когда старший сын упрекнул отца в том, что тот устроил своему недостойному младшему сыну такую праздничную встречу, отец сказал ему: «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (ст. 31—32). Смысл этой притчи — в прощении милосердным Богом — Отцом своих заблудших, но раскаявшихся и вернувшихся к Нему детей. Эта мысль отчетливо выражена в словах Христа, иллюстрацией к которым может служить притча о блудном сыне: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15 : 7). Иван (в данном случае выражающий авторскую точку зрения) подчеркивает и иронически обыгрывает явное несоответствие между милосердием Бога и немилосердием людей, считающих себя христианами и слепо действующих не по духу, а по букве закона («красть не позволено», «ты пролил кровь и должен умереть»). Пасторы используют несомненную аналогию в судьбах двух «блудных сыновей», вернувшихся к отцу (Богу), чтобы убедить уверовавшего и раскаявшегося Ришара, что он удостоился особой благодати Божьей, получил полное прощение грехов и залог жизни вечной. Они вместе со всей «благодетельной и благочестивой Женевой» радостно напутствуют «брата Ришара» по дороге в лучший мир.

2. «Штука с Ришаром хороша тем, что национальна»

Мысль о национальном (т. е. в данном случае присущем современной западной европейской цивилизации) характере истории Ришара Иван подчеркивает дважды, в начале и в конце своего рассказа. Эта мысль как бы обрамляет рассказ — в виде противопоставления национального своеобразия «родных» (российских) и западных «штучек», негативных сторон национального менталитета. «...у нас больше битье, больше розга и плеть, и это национально: у нас прибитые гвоздями уши немыслимы, мы все-таки европейцы; но розги, но плеть — это нечто уже наше и не может быть у нас отнято, — заявляет Иван. — (...) У нас хоть нелепо рубить голову брату потому только, что он стал нам

брат и что на него сошла благодать, но, повторяю, у нас есть свое, почти что не хуже. У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение истязанием битья» (14, 218—219).

Попытаемся установить, в чем же состоит, по мнению Ивана, выражающего в данном случае национальную точку зрения, своеобразие русского народного (православного) подхода к вопросу о «преступлении и наказании» Ришара.

Обратимся к рассуждению Ивана, предваряющему его рассказ о Ришаре, о ярком национальном колорите отобранных им «фактиков» и «анекдотиков». Имея в виду историю Ришара, Иван заявляет, что это «до того национальное», что «у нас оно как будто и невозможно, хотя, впрочем, кажется, и у нас прививается, особенно со времени религиозного движения в нашем высшем обществе» (14, 218). Что имеет в виду Иван в данном случае? И здесь мы вступаем в область подтекста.

В реальном комментарии к «Братьям Карамазовым» в академическом Полном собрании сочинений Достоевского «религиозное движение в нашем высшем обществе» ошибочно, на наш взгляд, связывается с публичными лекциями Вл. С. Соловьева в Соляном городке, привлекавшими в конце 1870-х гг. многочисленную публику. Однако лекции Вл. Соловьева привлекали, в основном, не высший свет, а широкие круги интеллигенции и учащуюся молодежь. Известно, что Достоевский, с симпатией относившийся к молодому философу, с интересом посещал его лекции «О богочеловечестве» в марте—апреле 1878 г.

Иронический характер высказывания Ивана о «религиозном движении в нашем высшем обществе» позволяет с достаточными основаниями предположить, что речь в данном случае, скорее всего, идет об успешных выступлениях в кругу петербургской аристократии английского проповедника-евангелиста лорда Г. В. Редстока (1833—1913). Лорд Редсток впервые приехал в Петербург в 1874 г. по приглашению Ю. Д. Засецкой, дочери Д. В. Давыдова. Приезжал он в Петербург и в 1876 г. Достоевский видел и слышал Редстока у Засецкой. Свое негативное отношение к проповеднической деятельности Редстока Достоевский выразил в «Дневнике писателя» за 1876 г. (март, гл. II, § 2 «Лорд Редсток») и 1877 г. (январь, гл. I, § 1 «Миражи. Штунда и редстокисты»). Интерес к проповеди Редстока в высших кругах русского общества, по мнению Достоевского, «зидается единственно лишь на „обособлении нашем“ (т. е. русской интеллигенции. — Н. Б.), на оторванности нашей от почвы, от нации. (...) Повторяю, тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии» (22, 98—99). Главную причину успеха в России как протестантской немецкой штунды («в черном народе»), так и редстокистов («в самом изящном обществе нашем») Достоевский усматривал в том, что «они вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии» (25, 12). Любопытно, что последователи Редстока в России, составившие секту пашковцев (по имени одного из ее руководителей полковника в отставке В. А. Пашкова, 1834—1902), основали в 1876 г. «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», которое издавало брошюры религиозного содержания (ср. ироническую реплику

Ивана: «Брошюрка эта (о Ришаре. — Н. Б.) переведена по-русски какими-то русскими лютеранствующими благотворителями высшего общества и разослана для просвещения народа русского при газетах и других изданиях даром» — 14, 219).⁵

В связи с историей «обращения и смерти» Ришара чрезвычайный интерес представляет следующее суждение писателя о Редстоке: «...я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о „схождении благодати“ и что, будто бы, по выражению одного передавшего о нем, у лорда „Христос в кармане“, — то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью» (22, 99. Напомним, что и сам Ришар и его окружение непрестанно повторяют, что на него «сошла благодать»). Таким образом, уверовавший и раскаявшийся Ришар, согласно уверениям пасторов, является избранником Божиим, а его спасение предопределено свыше (на это, в частности, указывает и предпосланный истории Ришара эпиграф из пророка Захарии (3 : 2): «Не головня ли он, выхваченная из огня»). Отсюда и саркастическая реплика Ивана: «...оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать» (14, 219).

Иван ядовито обыгрывает и пародирует это противоречие, приписывая пасторам и представителям благочестивой Женевы фразы, в которых соединены, казалось бы, несоединимые мысли, одна из которых опровергает другую:

«Да, да, Ришар, умри во Господе, ты пролил кровь и должен умереть во Господе. Пусть ты невиновен, что не знал совсем Господа, когда завидовал корму свиней и когда тебя били за то, что ты крал у них корм (что ты делал очень нехорошо, ибо красть не позволено), — но ты пролил кровь и должен умереть» (Там же). Эта звучащая как рефрен фраза: «ты пролил кровь и должен умереть» — как бы знаменует победу европейской законности и религиозного законничества и над божественной благодатью, и над простой человечностью. Бог избирает и прощает грешника, освободив его от греха, а люди, считающие себя христианами, казнят его, вменив ему в вину грех, прощенный Богом. Этого парадокса не замечают ни пасторы, ни «благотворительная и благочестивая Женева», ни сам Ришар, повторяющий вслед за своими духовными наставниками, что он пролил кровь и должен умереть.

---

⁵ О Редстоке см.: 22, 366—367 (комментарий В. Д. Рака). В «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский утверждал, что протестантизм родился как протест против католицизма и ему обязан своим существованием, что это религия «лишь отрицательная», протестующая, «нового слова» она не сказала и в будущем «обратится в прямой атеизм и тем кончится» (25, 8). В том же «Дневнике писателя» 1876, 1877 и 1880 гг. Достоевский неоднократно высказывал мысль, что русский неграмотный народ, сохранивший в своем сердце образ истинного, неискаженного Христа и пронесший его через века страданий и лишений, «уже просвещен» и является носителем религиозно-нравственной правды: «...если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и Его учение, то вместе с Ним, с Христом, уж конечно, принял и истинное просвещение» (26, 151).

3. «Преступление и наказание» Ришара

Проблемы «преступления и наказания», «преступности и виновности» занимают значительное место в художественном творчестве и публицистике Достоевского. Личный жизненный опыт писателя, в прошлом сосланного на каторгу в качестве «политического преступника», предоставил ему огромные возможности для изучения каторжного мира, его типов и психологии.

В «Дневнике писателя» 1873 г. (статья «Среда») Достоевский излагает народный взгляд на преступность и виновность, православный по своей глубинной сущности. Критикуя модное в 1870-е гг. учение о «заедающей среде», позволявшее либеральным адвокатам почти сплошь оправдывать преступников тяжелыми материальными условиями их жизни, Достоевский опасался, что при такой постановке вопроса общество может прийти к мысли: «...вовсе нет преступлений, а во всем „среда виновата”» (21, 16). Писатель отстаивал христианскую концепцию человека как существа нравственно свободного и нравственно ответственного за свои поступки. По его словам, христианство, «вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается» (Там же).

Чрезвычайно интересны суждения Достоевского, почему русский народ называет преступление «несчастьем», а преступников «несчастными», жалеет их и снабжает их в дорогу на каторгу грошами и калачами. «Идея эта, — пишет Достоевский, — чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось» (21, 17).

Только внешне эта православная идея напоминает «теорию среды» (жалость к преступнику), но по существу она ей противоположна. «Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником, — замечает писатель. — Но, обвиняя себя, он тем-то и доказывает, что не верит в „среду”; верит, напротив, что среда зависит вполне от него, от его непрерывного покаяния и самосовершенствования. Энергия, труд и борьба — вот чем перерабатывается среда. (...) „Достигнем того, что будем лучше, и среда будет лучше”. Вот что невысказанно ощущает сильным чувством в своей сокрытой идее о несчастьи преступника русский народ» (21, 18).

Итак, по мнению писателя, в основе народного взгляда на преступление лежит православная идея всеобщей вины и ответственности за совершенное зло (народ берет на себя часть вины преступника: были бы мы хороши, была бы и среда другой). Отсюда и жалость к преступнику — как к согрешившему — и милосердие к раскаявшемуся. Только искреннее раскаяние преступника в содеянном открывает для него возможность нравственного возрождения (для преступника, отрицающего свою вину, этот путь закрыт).

Характерно, что основной идеей творчества В. Гюго и — шире — «всего искусства девятнадцатого столетия» Достоевский назвал христианскую идею «восстановления погибшего человека, задавленного не-

справедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков» (20, 28). И Достоевский верил в возможность подобного «восстановления» и наметил для своих героев пути к нему — непременно через покаяние и нравственное очищение.

В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 3 «„Анна Каренина” как факт особого значения») Достоевский специально касается вопроса о различных взглядах «на преступность и виновность человеческую» в Европе и России, причем он рассматривает этот вопрос в государственно-правовом, исторически сложившемся, и религиозно-нравственном (христианском) аспектах.

В Европе, по мнению писателя, существуют два решения вопроса о преступности и виновности.

1. Современное европейское государственно-правовое законодательство формировалось тысячелетиями, в результате чего «закон дан, написан, формулован (...) Зло и добро определено, взвешено, размеры и степени определялись исторически мудрецами человечества, неустанной работой над душой человека и высшей научной разработкой над степенью единительной силы человечества в общежитии. Этому выработанному кодексу повелевается следовать слепо. Кто не последует, кто преступит его — тот платит свободой, имуществом, жизнью, платит буквально и бесчеловечно. „Я знаю, — говорит сама их цивилизация, — что это и слепо, и бесчеловечно, и невозможно, так как нельзя выработать окончательную формулу человечества в середине пути его, но так как другого исхода нет, то и следует держаться того, что написано, и держаться буквально и бесчеловечно;⁶ не будь этого — будет хуже”» (25, 200—201).

2. Европейские радикалы и социалисты полагают, что ненормальное устройство общества полностью освобождает преступника от всякой вины и ответственности. Поэтому, «чтобы покончить с преступлениями и людскою виновностью, надо покончить с ненормальностью общества и склада его» (25, 201). Суть этого второго решения Достоевский формулирует кратко: «...ждут будущего муравейника, а пока зальют мир кровью». «Других решений о виновности и преступности людской западноевропейский мир не представляет», — добавляет писатель (Там же).

Русский взгляд на «преступность и виновность» («постановка вопроса нравственная, то есть христианская» — 25, 60), по мнению Достоевского, «с страшной глубиной и силою, с небывалым доселе у нас реализмом» выразил в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой, наметивший единственно достойный (христианский) выход из заколдованного круга греха и зла. Это путь милосердия и прощения. По мысли Достоевского, «законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределены и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни врачей, ни даже судей *окончательных*, а есть Тот,

---

⁶ Жертвой слепого, жесткого, неукоснительного исполнения буквы закона стал герой высоко ценимого Достоевским романа В. Гюго «Отверженные» Жан Вальжан, в юности укравший хлеб, чтобы накормить голодных детей сестры, и за это преследовавшийся этим карающим законом всю жизнь. Слепым исполнителем бесчеловечного закона выступает в романе Гюго Жавер.

Который говорит: „Мне отмщение и Аз воздам”. Ему одному лишь известна *вся* тайна мира сего и окончательная судьба человека. Человек же пока не может браться решать ничего с гордостью своей непогрешимости, не пришли еще времена и сроки. Сам судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будут нелепостью, *если* сам он, держа в руках меру и весы, не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу — к Милосердию и Любви» (25, 201—202). Даже в случае предельного нравственного падения человека, когда тот сознательно пренебрегает «указанным вековечно светом исхода» (христианским) и снова нравственно падает, «судья человеческий» («грешник сам») не должен прибегать к «букве закона» (25, 202).

В свете изложенной выше «русской точки зрения» на «преступность и виновность» Ришар стал жертвой «буквы закона», его слепого, бесчеловечного и неукоснительного исполнения («там ведь не сентиментальничают», — язвительно замечает Иван — 14, 218). Не были приняты по внимание ни исключительность дела Ришара, не пренебрегшего «указанным вековечно светом исхода» и обретшего в тюрьме веру, ни его полное и чистосердечное раскаяние, ни смягчающие обстоятельства его тяжелой жизни (положение незаконнорожденного, с детства лишеного родительской любви и заботы, голодное детство и юность. Ведь Ришар впервые встретился с человеческим к себе отношением лишь в тюрьме). По существу женеваское правосудие убило Ришара на пороге новой жизни, насильственно прервав процесс «восстановления павшего человека», его духовное возрождение, которые открывали Ришару обретенная вера, раскаяние и человеческое участие.⁷

Любопытно, что И. С. Тургенев, чья «Казнь Тропмана» вызвала резкое раздражение Достоевского, отчасти сближается с ним в трактовке своеобразия русского национального отношения к вопросу о преступности и виновности. Тургенев отмечает присущие русской нации человечность и милосердие.

В «Дневнике братьев Гонкуров» приведено следующее любопытное суждение Тургенева, обращенное к одному из братьев: «Да, вы люди романской расы, в вас еще жив дух римлян, с их преклонением перед священным правом; словом, вы люди закона... а мы не таковы... Как вам это объяснить?.. Например, воровство в России дело не редкое, но если человек, совершив хоть и двадцать краж, признается в них, и будет доказано, что на преступление его толкнул голод, толкнула нужда, его оправдают... Да, вы люди закона и чести, а мы, хотя у нас и *самовластие*, мы люди... — Он ищет нужное слово, и я подсказываю ему: более человеческие. — Да, именно, — подтверждает он. — Мы менее связаны условностями, мы более человеческие люди».⁸

⁷ Адвокат Ришара просил, чтобы смертная казнь была заменена осужденному «пожизненно каторжною работою», однако Совет, решивший подать пример твердости в неукоснительном исполнении установленных законов, отверг это предложение адвоката и «42-мя голосами против 10-ти утвердил приговор суда присяжных» (Обращение и смерть Л. Ф. Ришара. С. 21).

⁸ Гонкуры Эдмон и Жюль. Дневник. Записки о литературной жизни. М., 1964. Т. 2. С. 225—226.

4. «Последний день приговоренного к смертной казни»

Приступаем к самой трудной, самой деликатной теме статьи — о последнем дне приговоренного к смертной казни. О том, что происходит в душе человека в его предсмертные часы, какие мытарства, какие «хождения по мукам» душа испытывает, судить, помимо Бога, могут лишь человек, прошедший этот путь и чудом спасшийся, или же священник, тем более что речь идет о преступнике, обретшем веру. Обратившись непосредственно к тексту брошюры, мы с удивлением обнаруживаем, что описание Иваном предсмертных часов Ришара, представляющееся на первый взгляд глумлением, не очень-то сильно и шаржировано. Приведем этот текст.

«По мере приближения последнего часа возрастала радостная ясность лица осужденного. Когда он слышал бой тюремных часов, он говорил с выражением довольства:

— Еще одним часом меньше, какое счастье! Вскоре я буду у Господа...».⁹

Когда ранним утром послышался стук во внешнюю дверь тюрьмы (пришли жандармы), Ришар воскликнул: «О! если бы это были они! Видите ли, я могу сказать, что Сам Бог стучит в дверь кельи моей и говорит мне: Иди, Ришар, иди. Я жду тебя. Он долго стучал в дверь сердца моего, но я, несчастный, не хотел Ему открывать».¹⁰

Перед рассветом один из жандармов потушил лампу. «Лицо Ришара просияло, он поднял глаза к небу и сказал:

— Вот начинается прекраснейший день в жизни моей!

Когда показалось солнце, он прибавил:

— Никогда не вставало солнце так прекрасно в жизни Ришара...

По мере приближения рокового часа слова его становились все торжественнее: „Сколько милостей получил я в этой келье. Я бы ни одного часа менее не пожелал провести в ней (...) Я могу назвать келью мою благословенною келиею, благодатной келиею”».¹¹

Пришли пасторы укрепить его. После завтрака появились палачи, чтоб «приступить к ужасному туалету осужденных». «Ришар покорился этой печальной церемонии, не проронив ни одного слова жалобы. Напротив, при виде палачей он встретил их словами:

— А! Это вы, друзья мои! Я ждал вас. Как я счастлив! Господь Бог пришел за мною в келью мою.

Поцеловав директора тюрьмы, сторожей, дворника, жандармов, которые все почти проливали слезы, он сказал:

— О чем вы плачете? Я иду к Богу моему.

На лицах всех окружающих выражалось более чем уважение к несчастью, в них проглядывало *радостное удивление* от всего, чему свидетелями были они. По окончании предсмертного одевания он первый сказал:

— Я готов, — идемте!»¹²

⁹ Обращение и смерть Л. Ф. Ришара... С. 32

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 35.

«Достигнув эшафота, пасторы поцеловали Ришара, который, покидая их, повторил им, что счастлив идти к Богу своему, и тотчас взойдя с уверенностью, без посторонней помощи на эшафот, отдался в руки палача и, обратясь к толпе, произнес слова, слышанные немногими: „Друзья мои! Я покидаю эту жизнь с радостью, потому что иду в лучший мир”». ¹³

Тема брошюры о Ришаре — человек, приговоренный к смерти, на ее пороге — несомненно должна была вызвать у Достоевского наряду с личными воспоминаниями о «петрашевской» молодости, когда он стоял на Семеновском плацу в ожидании смертной казни, также определенные литературные ассоциации с известными произведениям на аналогичную тему. Речь идет в данном случае о повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни» (1829) и рассказе И. С. Тургенева «Казнь Тропмана» (1870).

Рассказы князя Мышкина о смертной казни в Лионе и исповедь Ипполита («Мое необходимое объяснение») в романе «Идиот» несут на себе следы художественного воздействия Гюго. ¹⁴

Подчеркнем: с прославленными шедеврами Гюго и Тургенева брошюру о Ришаре можно сравнить лишь тематически, так как она не обладает никакими художественными достоинствами и поражает легковесным отношением к смерти. К тому же в ней полностью отсутствует тот гуманистический протест против смертной казни, который звучит в названных выше произведениях Достоевского, Гюго и Тургенева. Человек, не протестующий против смертной казни, чувствует себя соучастником преступления — такова нравственная позиция этих писателей. Их сближает также протест против ее публичности (зрелище смертной казни вовлекает зрителей в акт насилия и развращающе действует на людей, пробуждая в них низкие инстинкты и убивая добрые чувства сострадания и жалости).

Почему же в таком случае Достоевский, высоко оценивший нравственную позицию автора «Последнего дня приговоренного к смертной казни», так сурово отнесся к рассказу Тургенева? ¹⁵

«...меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила, — писал Достоевский Н. Н. Страхову 11 (23) июня 1870 г. — Почему он все конфузится и твердит, что не имел права тут быть? Да, конечно, если только на спектакль пришел; но человек, на поверхности земной, не имеет права отвертываться и игнорировать то, что происходит на земле, и есть высшие *нравственные* причины на то. (...) Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как казнят в последнюю минуту: „Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать”. Впрочем, он себя выдает: главное впечатление статьи в результате — ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ См.: Бем А. Л. Перед лицом смерти. «Последний день приговоренного к смертной казни» В. Гюго и «Идиот» Достоевского // О Dostojevském: Sborník statí a materiálů. Praga, 1970. С. 150—174.

¹⁵ Тонкий анализ рассказа Тургенева и мотивов неприятия его Достоевским см. в содержательной статье: Джексон Р. Э. Этика зрения: «Казнь Тропмана» и взгляды Достоевского // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 134—150.

и своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы!» (29₁, 127—129).

Объяснение неприятию Достоевским нравственной позиции Тургенева, очевидно, следует искать прежде всего во фразе последнего: «...всякий старался мысленно отвернуться и как бы сбросить с себя ответственность в этом убийстве».¹⁶ Жест Тургенева, уже не мысленно, а реально отвернувшегося и не видевшего момента казни, возмутил Достоевского. Для Тургенева этот жест — выражение отказа участвовать в общем убийстве человека, нравственно отмежеваться от казни. Для Достоевского же подобный жест, напротив, равнозначен позиции «умывания рук», стремлению снять с себя нравственную ответственность и за убийство человека, и за его вину (любой человек виноват «за всех и вся»), нежелание испить с обреченным на смерть общую чашу страдания. К тому же избранная Тургеневым форма рассказа — описание «последнего дня приговоренного к смертной казни» со стороны, глазами стороннего наблюдателя невыгодно отличает его от рассказа Гюго, где повествование ведется от лица самого осужденного.

Брошюра о Ришаре временами представляется пародией на «Последний день приговоренного к смертной казни» Гюго. Негативное отношение Достоевского к жизнеописанию Ришара становится очевидным, если вспомним, что писатель назвал «фантастический рассказ» Гюго «шедевром» и «самым реальнейшим и самым правдивейшим» из всего им написанного (24, 6), оценив прежде всего изображение психологического состояния заключенного в преддверии смерти.

В отличие от героя Гюго, Ришар последний день своей жизни называет «прекраснейшим»: «Вот начинается прекраснейший день в жизни моей. (...) Никогда не вставало солнце так прекрасно в жизни Ришара...».¹⁷

Для Достоевского солнце, напротив, традиционно символизирует жизнь и жажду жизни.

22 декабря 1849 г., уже после отмены смертного приговора, он так описывает из Петропавловской крепости свое душевное состояние брату Михаилу: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. (...) Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! *On voit le soleil!*» (28₁, 162. Курсив мой. — Н. Б.). Это «видишь солнце» восходит к «Последнему дню приговоренного к смертной казни» Гюго.¹⁸

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. Л., 1967. Т. 14. С. 170.

¹⁷ Обращение и смерть Л. Ф. Ришара... С. 33.

¹⁸ Отмечено А. Л. Бемом — см. его упоминавшуюся выше статью. Ср. у Гюго: «Я согласен на каторгу. Пусть приговорят к пяти годам, или к двадцати, пусть приговорят к пожизненной каторге, пусть заклеят. Только бы оставили жизнь! Ведь каторжник тоже ходит, движется, тоже видит солнце» (Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 1. С. 269).

В признаниях Мити Карамазова, пережившего накануне суда духовное возрождение и ощутившего в себе «нового человека», жажда жизни также связывается с солнцем.

«Ты не поверишь, Алексей, как я теперь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать именно в этих облезлых стенах во мне зародилась! (...) И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что все поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысяче мук — я есмь, в пытке корчусь — но есмь! В столпе сижу, но и я существую, *солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, — это уже вся жизнь*» (15, 31. Курсив мой. — Н. Б.).

Можно возразить, однако, что в повести Гюго речь идет о психологии неверующего человека, нравственные страдания которого усугубляются сознанием, что, кроме земной жизни, не существует никакой иной.¹⁹ Поэтому в истории Ришара важны моменты обретения им веры и покаяние, дающие ему твердую надежду на жизнь «будущего века». И тем не менее описание психологического состояния Ришара в виду неминуемой смерти вызывает недоуменные вопросы, разрешить которые, как мы думаем, отчасти поможет обращение к рассказу князя Мышкина камердинеру Епанчиных о виденной им в Лионе смертной казни, точнее к той части его рассказа, где упоминается Христос. Напомним, что Христос для Достоевского — высшая нравственная инстанция, «путь и истина и жизнь» (Ин. 14 : 6).

Рассказав о том, как сорокапятилетний преступник, «человек умный, бесстрашный, сильный», всходя на эшафот, «плакал, белый как бумага», Мышкин восклицает: «Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! Сказано: „Не убий“, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» (8, 20). Главная мука осужденного, по мнению Мышкина, состоит в осознании преступником неотвратимости приближающейся смерти («...тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете». Далее Мышкин продолжает: «*Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил*» (8, 20—21. Курсив мой. — Н. Б.).²⁰ Размышления Мышкина о последних днях земной жизни Христа чрезвычайно существенны.

---

¹⁹ Эта мысль подчеркнута Гюго в предисловии к повести 1832 г.: «В прежние времена в народе хоть бытовала какая-то вера (...) Приговоренный преступник в то же время был и кающийся грешник. Религия открывала перед ним потусторонний мир в тот миг, когда общество закрывало для него здешний; душой каждый ощущал в себе Бога (.) По какому праву швыряете вы в то неведомое, в котором сомневаетесь сами, темные души, осужденные вами?» (Гюго В. Собр соч. Т. 1 С. 215; ср. в «Отверженных» с эпизодом казни на гильотине преступника, обращенного к вере епископом Бьенвеню — Там же. Т. 6. С. 24—25).

²⁰ Как убедительно показал А. Л. Бем (см. его упоминавшуюся выше статью), в рассказах Мышкина о смертной казни причудливо переплетаются личные воспоминания писателя и литературные ассоциации (повесть Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни»). Так, в частности, автобиографический характер носит следующее суждение Мышкина: «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: „Ступай, тебя прощают“. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать» (8, 21).

О смертной муке и томлении Богочеловека Христа, человеческое естество которого противилось смерти и разрушению, свидетельствуют Моление о чаше в Гефсиманском саду («душа Моя скорбит смертельно...» — Мк. 14 : 34) и Его возглас на кресте («Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — Мк. 15 : 34). Как справедливо полагает Б. Н. Тихомиров, ужас Христа перед смертью, предельная полнота его страдания «оказывается в то же время и последним свидетельством о полноте проявления человеческого начала в Богочеловеке Иисусе. (...) Богочеловек, „тот, который побеждал и природу при жизни своей”,²¹ добровольно подчиняет себя власти естественных законов. И в этой добровольности слились воля Бога и воля человека».²²

В заключение отметим, что «последний день приговоренного к смертной казни» Ришара навсегда останется неразгаданной тайной, которую он унес с собой, так как его анонимный биограф, не обладавший талантом Достоевского или Гюго, ограничился лишь описанием внешней истории его жизни, не сумев заглянуть в глубь его души, чтобы разгадать — употребим термин Гюго — его «внутреннюю драму».

---

²¹ Слова Ипполита в «Идиоте» (8, 339).

²² Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 120. В. Н. Тихомиров приводит толкование В. Н. Лосским евангельского эпизода в Гефсиманском саду, опирающееся на традиции отцов восточной церкви: «Гефсиманская молитва была выражением ужаса перед смертью, была реакцией, свойственной всякой человеческой природе» (Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви: Догматическое богословие. М., 1991. С. 111). Характерно, что протестантское богословие выражало сомнение в том, что Христос мог испытывать страх смерти, так как он знал о предстоящем воскресении (см.: Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского. С. 116—117).